

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.24.12

Красильников Алексей Владимирович^{1, 2}, Гаспарян Гурген Зорикович^{1, 3}

¹Академия управления МВД России, Москва, Россия

²krass-al@yandex.ru

³ggz85@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ, ВЛЕКУЩИХ РЕАБИЛИТАЦИЮ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ПОДСУДИМОГО

Аннотация. Проблемы обеспечения законности принятия процессуальных решений, влекущих реабилитацию подозреваемого (обвиняемого), подсудимого, продолжают оставаться в фокусе внимания ученых-процессуалистов уже более ста лет. К сожалению, многие из них до настоящего времени так и не получили своего разрешения. Вопросы правовой природы и пределов ответственности государства за вред, причиненный в ходе уголовного судопроизводства, возможность привлечения к юридической ответственности должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, в случае принятия реабилитирующих решений все еще продолжают оставаться актуальными для научной разработки. Очевидно, что теоретические проблемы не могли не сказаться на правоприменительной практике, в том числе и в оперативно-служебной деятельности органов предварительного следствия системы МВД России. На наш взгляд, существующая методика и критерии оценки состояния законности в органах предварительного следствия системы МВД России нуждаются в уточнении.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, законность, реабилитация

Для цитирования: Красильников А.В. К вопросу о юридической ответственности государства при принятии процессуальных решений, влекущих реабилитацию подозреваемого (обвиняемого), подсудимого / А.В. Красильников, Г.З. Гаспарян. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.24.12 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 126–135.

Original article

Krasilnikov Aleksey Vladimirovich^{1, 2}, Gasparyan Gurgen Zorikovich^{1, 3}

¹Academy of Management of the Ministry of the Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

²krass-al@yandex.ru

³ggz85@mail.ru

ON THE LEGAL RESPONSIBILITY OF THE STATE IN TAKING THE PROCEEDING DECISIONS LEADING TO THE REHABILITATION OF A SUSPECT (ACCUSED) OR DEFENDANT

Abstract. The problems of ensuring the legality of procedural decisions leading to the rehabilitation of a suspect (accused), defendant continue to be in the focus of scientists-processualists for more than a hundred years. Unfortunately, many of them remain unresolved. The issues of the legal nature and limits of the state's responsibility for the harm caused during the criminal procedure, the possibility of bringing to legal responsibility officials who carry out pre-trial criminal procedure in case of adoption of rehabilitative decisions still remain relevant for scientific development. It is obvious that theoretical problems influence on the law enforcement practice, including on the operational and service activities of the preliminary investigation bodies of the Ministry of the Internal Affairs of Russia. In our opinion, the existing methodology and criteria for assessing the state of legality in the bodies of preliminary investigation of the system of the Ministry of the Internal Affairs of Russia need to be clarified.

Keywords: criminal procedure, preliminary investigation, legality, rehabilitation

For citation: Krasilnikov A.V., Gasparyan G.Z. On the Legal Responsibility of the State in Taking the Proceeding Decisions Leading to the Rehabilitation of a Suspect (Accused) or Defendant. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 4, pp. 126–135. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.24.12.

Человек, его права и свободы, согласно ст. 2 Конституции РФ, определяются в качестве высшей ценности современного демократического правового государства. Соблюдение и защита высшей ценности вполне обоснованно возложены на само государство как общественно-политическую организацию власти. Исходя из данных положений, Российская Федерация обязана принять исчерпывающие меры для защиты человека, его прав и свобод.

И совершенно логичным представляется, что в случаях, когда обеспечить надлежащий уровень защиты, в силу различных причин, не удалось, государство не только должно принять меры к возмещению вреда, причиненного противоправными деяниями, восстановлению прав пострадавших, но и понести ответственность за, по сути, ненадлежащее исполнение своей конституционной обязанности.

Важно отметить, что наиболее остро вопросы защиты прав и свобод стоят в сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений в связи с совершением преступлений. Связано это с несколькими аспектами. Во-первых, именно в области уголовных (материальных) отношений нарушаются наиболее значимые права и свободы человека, бремя защиты которых взяло на себя государство. Во-вторых, степень самого нарушения прав в рассматриваемых отношениях, как правило, наиболее высока. В этой связи уголовно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина является одним из приоритетных направлений уголовной государственной политики.

Заметим, что в определенном смысле совершение преступления само по себе свидетельствует о том, что государство не в полной мере исполняет свою обязанность по защите охраняемых уголовным законом благ. Должно ли оно нести за это ответственность? Какова правовая природа этой ответственности, ее субъекты и пределы?

Очевидно, что ответить на эти вопросы можно, если рассматривать их в контексте проблем установления и реализации ключевого материального правоотношения уголовной ответственности. Важно, что установление и реализация уголовного правового отношения возможны исключительно в законодательно закрепленных уголовно-процессуальных формах в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. Специфической, можно сказать имманентной, особенностью последних является возможность применения государственного принуждения. Сама обязанность государства защищать общество и личность от преступлений обуславливает властный, то есть повелительно-принудительный характер его деятельности в случае нарушения охраняемых благ. При этом понятие «государственное принуждение» может толковаться достаточно широко: от уголовного преследования как такового до закрепленных в законе конкретных мер процессуального принуждения. Широкий арсенал мер государственного принуждения в уголовном процессе, строгость этих мер и дискреционный характер полномочий по их применению органами государственной власти требуют не только эффективной системы гарантий законности, но и действенных институтов ответственности самого государства за незаконное и необоснованное преследование, принуждение, ограничение и нарушение прав и свобод участников уголовного судопроизводства. И вот с этой точки зрения ключевой вопрос, возникающий

при исследовании негативной юридической ответственности государства и его органов в связи с осуществлением принуждения, составляет смысл понятий «незаконное» и «необоснованное» и их истолкование в различных теоретических подходах и даже сферах социальных отношений.

Напомним, что достаточно долгое время в теории уголовного процесса преобладал подход, сущность которого Л.В. Головкин определил как «государство не может делать зла». В соответствии с этой концепцией на государство в принципе не может быть возложена ответственность за вред, причиненный тем или иным участникам процесса вследствие ошибок и нарушений, допущенных властными субъектами уголовного судопроизводства [1, с. 378]. Еще русские дореволюционные правоведы отмечали трудности в разрешении вопроса, кто конкретно должен являться субъектом юридической ответственности и должен ли кто-то вообще им являться, если «привлечение к суду было делом случая, несчастного стечения фактических обстоятельств, бросивших подозрение на невиновного ... а действия правосудия формально законны» [2, с. 516]. Ответственность государства, мы имеем в виду юридическую ответственность, не столь очевидна, как это кажется. Прежде всего, это связано с тем, что ответственность должна быть виновной, а понятие «вина» «неприложимо к государству как к юридическому лицу». В данном случае известный принцип «аквилианской вины» вряд ли может быть применен в публично-правовых отношениях. Если же говорить об ответственности конкретных должностных лиц органов государственной власти, то «действия эти совершаются в пределах законных полномочий органов судебной-следственной власти, с соблюдением законных предположений и форм ... при *формальной* (выделено нами. – *Авт.*) законности их действий, вина не может быть установлена и даже вовсе отсутствует» [2, с. 516–519]. Другими словами, в аспекте формальной логики, к правилам которой так любят апеллировать процессуалисты, «когда верен способ соединения мыслей, самое же заключение может совсем не соответствовать действительности» [3, с. 5]. Этими же вопросами задавались и теоретики уголовного процесса советского периода [4, с. 125; 5, с. 57–63; 6, с. 11–16]. В частности, на особенностях толкования ответственности властных субъектов процесса настаивали М.С. Строгович, Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин [7, с. 170].

В современных же условиях, как справедливо считает Л.В. Головкин, указанный подход уже не отвечает социальным потребностям и принципам взаимоотношений «общество – государство». Более того, в связи с возникновением уголовных материальных отношений ответственность государства должна трактоваться шире. Оно, государство, обязано нести бремя ответственности не только за недостатки общественных и государственных институтов, направленных на формирование личности гражданина, его подлинно

правового индивидуального сознания, не только за ненадлежащий уровень безопасности в обществе и практическое отсутствие системы профилактики преступлений, их эффективное раскрытие, расследование и судебное разбирательство, но и «о подлинной юридической ответственности государства за свое уголовное судопроизводство перед теми его участниками, которые защищаются от уголовного преследования со стороны государства» [1, с. 378, 384]. Другими словами, следует различать сферы ответственности государства и дифференцировать сообразно этому правовую природу ответственности и предусмотренные социальные и правовые негативные последствия. Так, в сфере уголовно-процессуальных отношений государство должно нести юридическую ответственность за законность и обоснованность уголовного преследования и применение мер государственного принуждения, причем не только в части вреда, причиненного конкретным участникам процесса, например подозреваемому и обвиняемому, но и третьим лицам, независимо от их процессуального правового положения.

Но и такая на первый взгляд весьма очевидная позиция при ее анализе представляется далеко неоднозначной. В момент совершения преступления между лицом, его совершившим, и государством возникает материальное отношение уголовной ответственности. Если данное отношение реально, то государство в лице органов власти вправе и обязано реализовать имеющиеся в его распоряжении меры оперативно-разыскного и уголовно-процессуального характера, чтобы данное отношение установить и разрешить. В ходе реализации указанных мер допустимо государственное принуждение, в том числе существенно ограничивающее права и свободы, а следовательно, причиняющее определенный вред тому или иному участнику уголовного судопроизводства. Если же все уголовно-процессуальные требования были соблюдены, однако было установлено фактическое отсутствие (ненаступление) уголовного материального отношения, оно не было установлено либо было прекращено в установленном порядке, то должно ли государство нести ответственность за вред, причиненный участникам процесса в ходе производства по уголовному делу? Однозначный ответ на данный вопрос дать достаточно трудно. Да, у государства возникли обоснованные на тот момент предположения о возникновении уголовного отношения. Да, государство, возможно даже используя принудительные меры воздействия, в соответствии с законодательно установленной процедурой провело необходимый и достаточный объем действий и приняло законное и обоснованное решение об отсутствии данного отношения либо о том, что его субъектами являются иные лица. Что же здесь противоправного? Еще М.С. Строгович, отмечая воспитательное значение законного, обоснованного и справедливого приговора, подчеркивал, что именно таким образом достигаются цели уголовного судопроизводства [8,

с. 41]. Но вот в чем проблема. Если материальное отношение уголовной ответственности фактически не возникало, то уголовное преследование лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, априори незаконно. А следовательно, и применение в ходе него мер государственного принуждения также является незаконным, что, по идее, должно повлечь юридическую ответственность государства.

В современных доктринальных подходах континентального процесса отмечаются два направления разрешения данного вопроса. Первый подход – «минималистский» – может быть сведен к следующему: «ответственность государства наступает только в той ситуации, когда истину по уголовному делу оказалась неспособна установить уголовно-процессуальная система в целом». Даже если в ходе досудебного производства была принята ошибочная гипотеза о виновности лица, но в суде постановлен оправдательный приговор, «то есть система сработала надлежащим образом, добившись установления по делу материальной истины», лицо, подвергавшееся уголовному преследованию, не вправе предъявлять претензии государству. Второй подход, условно определяемый как «максималистский», напротив, исходит из того, что «для возникновения оснований юридической ответственности государства перед незаконно или необоснованно подвергнутым уголовному преследованию обвиняемым достаточно того, чтобы хотя бы одни из представителей государства, в чьем производстве находилось уголовное дело, не справился задачей установления истины по нему в какой-либо стадии уголовного процесса» [1, с. 398, 400].

В российском уголовном судопроизводстве разрешение данного вопроса рассматривается в плоскости моральной ответственности государства и его обязанности возместить вред лицу, незаконно или необоснованно подвергнутому государственному принуждению. В уголовно-процессуальных отношениях юридическая ответственность государства реализуется через институт реабилитации. Процессуальному порядку реабилитации в уголовном судопроизводстве посвящена гл. 18 УПК РФ, в которой закреплены основания возникновения права на реабилитацию, порядок признания данного права и возмещения вреда физическим и юридическим лицам, порядок восстановления иных прав реабилитированных лиц и обжалования решений о производстве выплат.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на один весьма интересный аспект рассматриваемой проблематики.

Досудебное производство по уголовному делу, в соответствии с УПК РФ, ведется должностными лицами органов предварительного следствия и дознавателями, компетенция которых определена подследственностью (ст. 151 УПК РФ). В системе МВД России самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД России, обеспечивающим и осуществляю-

щим в пределах своей компетенции правоприменительные полномочия в сфере расследования преступлений, отнесенных к подследственности следователей органов внутренних дел Российской Федерации, а также исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, является Следственный департамент МВД России¹. В территориальных и линейных органах МВД России с этой целью создаются самостоятельные органы предварительного следствия². Очевидно, что вопросы законности предварительного расследования всегда находятся в фокусе внимания руководителей органов предварительного следствия системы МВД России. С точки зрения организации процессуального и ведомственного контроля за законностью процессуальной деятельности критериями, то есть нормативно закрепленными ориентирами для оценки законности, служат нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ст. 24, 27 УПК РФ) и связанные с ними положения гл. 18 УПК РФ, а также нормы ряда подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы учета преступлений³, оценки деятельности территориальных органов МВД России⁴ и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России⁵. Таким образом, отношения, возникающие в органах предварительного следствия системы МВД России в связи с расследованием преступлений и управлением этой деятельностью, регулируются как уголовно-процессуальным законодательством, так и подзаконными ведомственными нормативными правовыми актами. Сложный неоднородный состав правоотношений, возникающих в сфере управления органами предварительного следствия системы МВД России, во многом объясняет и характер проблем, отмечаемых в рассматриваемой области. При-

¹ Об утверждении Положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 01.07.2011 № 780 (в ред. 28.12.2021).

² Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ МВД России от 09.01.2018 № 1 (в ред. 21.06.2022).

³ О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 № 39, № 1070, № 1021, № 253, № 780, № 353, № 399.

⁴ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31.12.2013 № 1040.

⁵ Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России : распоряжение МВД России от 19.07.2021 № 1/8120.

ходится признать, что зачастую деятельность руководителей соответствующих следственных органов и самих следователей органов внутренних дел ориентирована в первую очередь на заложенные в ведомственных нормативных и иных правовых актах цели, задачи и критерии оценки. Сказанное относится и к вопросам, связанным с обеспечением законности при расследовании преступлений. Заметим, что нормативное разграничение так называемых нереабилитирующих и реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) реализовано именно на ведомственном уровне. Так, к нереабилитирующим основаниям относятся, например, прекращение производства по делу в связи с истечением сроков давности, примирением сторон публичного процесса между собой, решением об амнистии и др. Такого рода основания не являются свидетельством нарушения законности уголовного преследования и не влекут негативных последствий для должностных лиц, в чьем производстве находилось уголовное дело. Однако, например, если было установлено, что в деянии, по поводу которого расследовалось уголовное дело, отсутствовал состав преступления либо само событие отсутствовало в реальности, то такого рода основания для прекращения производства или постановления оправдательного приговора относятся к реабилитирующим, а сама процессуальная деятельность, по логике ведомственного законодателя, не имела материального основания и поэтому должна считаться незаконной. Такой подход по своей сущности аналогичен рассмотренному выше максималистскому и в принципе вполне допустим. Однако хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Если ответственность системы уголовной юстиции является субсидиарной вне зависимости от того, на каком этапе и кем были допущены «нарушения», то почему ответственность, в том числе гражданско-правовая, за промежуточные процессуальные решения, принятые на этапе досудебного производства, возлагается только на лицо, в чьем производстве находилось уголовное дело. Полагаем, что в данном случае субсидиарную ответственность должны нести все должностные лица, принимавшие решение либо дававшие согласие на производство тех или иных процессуальных действий – разрешение судом ходатайства об избрании меры процессуального принуждения, поддержанного в установленных законом случаях руководителем следственного органа либо прокурором, направление уголовного дела в суд с утвержденным обвинительным заключением, актом (постановлением) и т. д. Думается, что ведомственному «законотворчеству» в этом аспекте еще предстоит скорректировать свои подходы.

Список источников

1. Головки Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головки. – Москва, 2022. – 464 с.
2. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н.Н. Розин. – Томск, 1914. – 569 с.
3. Челпанов Г.И. Учебник логики / Г.И. Челпанов. – Москва, 1915. – 107 с.
4. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж, 1980. – 251 с.
5. Мотовиловкер Я.О. Об ответственности за вред, причиненный гражданам неправильными служебными действиями следственных органов и суда / Я.О. Мотовиловкер // Правоведение. – 1973. – № 2. – С. 57–63.
6. Савицкий В.М. Об имущественной ответственности за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда / В.М. Савицкий, Е.А. Флейшиц // Советское государство и право. – 1966. – № 7.
7. Строгович М.С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М.С. Строгович, Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин. – Москва, 1979. – 319 с.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 1 / М.С. Строгович. – Москва, 1968. – 470 с.

References

1. Golovko L.V. The State and Its Criminal Procedure. Moscow, 2022. 464 p.
2. Rozin N.N. Criminal Procedure. Tomsk, 1914. 569 p.
3. Chelpanov G.I. Logic Textbook. Moscow, 1915. 107 p.
4. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. An Essay on the Development of the Science of Soviet Criminal Procedure. Voronezh, 1980. 251 p.
5. Motovilovker Ya.O. On Liability for Harm Caused to Citizens by Improper Official Actions of Investigative Bodies and the Court. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1973, no. 2, pp. 57–63. (In Russian).
6. Savitsky V.M., Fleishits E.A. On Property Liability for Harm Caused by Officials of the Inquiry Bodies, Preliminary Investigation, Prosecutor's Office and the Court. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1966, no. 7. (In Russian).
7. Strogovich M.S., Alekseeva L.B., Larin A.M. Soviet Criminal Procedure Law and Problems of Its Effectiveness. Moscow, 1979. 319 p.
8. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1968. Vol. 1. 470 p.

Информация об авторах**Information about the Authors**

Красильников Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами расследования преступлений;

Krasilnikov Aleksey Vladimirovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Crime Investigation Management;

Гаспарян Гурген Зорикович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений

Gasparyan Gurgen Zorikovich – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Chair of Crime Investigation Management

Статья поступила в редакцию 25.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 25.11.2024.

The article was submitted 25.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 25.11.2024.